

Е. В. Перевалова
**ИНТЕРВЬЮ С ОЛЕНЕВОДАМИ ЯМАЛА О ПАДЕЖЕ ОЛЕНЕЙ
 И ПЕРСПЕКТИВАХ НЕНЕЦКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА***

УДК 39(571.121)

ББК 63.521(=667)

На полуострове Ямал отмечается самая высокая плотность домашнего северного оленя в Российской Арктике и Арктическом регионе; вместе с оленями здесь кочует около 1 200 хозяйств ненцев-оленеводов. Переход к рыночным отношениям не привел к деградации отрасли, а, напротив, дал импульс для развития оленеводства, использующего традиционные кочевые технологии. В статье раскрывается специфика ненецкого оленеводства, в основу которого заложена этнотриада — олень как основной ресурс жизнеобеспечения, кочевая мобильность как технология с высоким потенциалом адаптивности и «олень+мобильность» как философия бытия. Выявляются причины интенсивного наращивания оленьего поголовья в 1990–2000-х гг. (благоприятные погодные условия, демографический рост и другие социально-экономические факторы) и негативные последствия («перенаселенность» ямальских тундр, зооантропогенное истощение пастбищных угодий). Выпас увеличивающегося поголовья на уменьшающейся территории из-за отторжения земель под объекты газодобывающей промышленности и инфраструктуру ведет к сокращению маршрутов кочевания, снижению кочевой мобильности и утрате возможности гибкого реагирования на природные и антропогенные вызовы. Черета природных катаклизмов 2013–2014 гг. привела к массовому падежу оленей на Ямале, отодвинув на второй план проблему взаимоотношений нефтяников и кочевников. Однако новый виток индустриальной экспансии неизбежно обострит конкуренцию за обладание земельными и другими природными ресурсами полуострова. В основу статьи легли интервью с оленеводами Ямальского района, в которых затронут широкий спектр проблем, касающихся перспектив ненецкого оленеводства, и отражены их взгляды и видение современной ситуации.

Ключевые слова: *ненцы, оленеводство, Ямал, кочевая мобильность, падеж оленей в 2013–2014 гг., индустриальная экспансия*

На полуострове Ямал, площадь которого составляет 122 тыс. км², выпасается около 380 тыс. оленей.¹ Это самое многочисленное стадо, и здесь самая высокая плотность домашнего северного оленя в Российской Арктике и Арктическом регионе. Вместе с оленями по территории полуострова от верхней границы произрастания лесов к северным тундрам и побережью Карского моря и обратно ежегодно кочует около 1 200 хозяйств ненцев-оленеводов (более 5 800 чел.). После распада

Советского Союза на фоне глубокого кризиса многих отраслей традиционного хозяйства Ямал, в отличие от других оленеводческих районов России (Чукотка, Эвенкия, Якутия), не только сохранил, но и увеличил численность оленьего поголовья.² Переход к рыночным отношениям не привел к деградации отрасли, а, напротив, дал импульс развитию оленеводства, использующего традиционные кочевые технологии. О ненецком оленеводстве заговорили как о феномене,³ в основе которого

¹ Экспертные данные ИЭРиЖ УрО РАН на 2012 г. см.: Социально-экологические условия промышленного освоения полуострова Ямал / В. Д. Богданов [и др.]. // Экономика региона. № 3. 2012. С. 141–144.

*Перевалова Елена Валерьевна — к.и.н., зав. сектором этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: elena_perevalova@mail.ru*

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головнёв)

² В 2011 г. поголовье домашних северных оленей в ЯНАО составляло 665,17 тыс., в Российской Федерации — 1 570,99 тыс., в то время как поголовье во всем мире определялось приблизительно в 1 800 тыс. голов. См.: Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России // Север и Северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2012. С. 253, 260, 261.

³ См.: Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 6, 7, 91–94; Он же. Исторический опыт межэтнического взаимодействия на Севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. Кн. 1. М., 2006. С. 318–320; Южаков А. А. Феномен ненецкого оленеводства // Живая Арктика. М., 2005. № 17. С. 82–87.

лежит этнотриада — олень как главный ресурс жизнеобеспечения, кочевая мобильность как технология с высоким потенциалом адаптивности и «олень + мобильность» как философия бытия ненецкого оленевода.

В ноябре–декабре 2014 г. Ямальский отряд ЭтноЭкспедиции в составе этнографов Е. В. Переваловой (руководитель) и А. Ю. Патрушева и дизайнера А. С. Роговой проводил полевые изыскания в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО).⁴ Одной из главных задач было изучение мобильности и кочевых технологий ямальских ненцев в условиях форс-мажора, а именно массового падежа оленей в 2013–2014 гг. В основу статьи легли материалы интервью с оленеводами Муниципального оленеводческого предприятия «Ярсалинское»⁵ и частных хозяйств, а также с представителями общественных организаций и администрации Ямальского района.⁶

Кочевые маневры (ямальские оленеводы о падеже оленей в 2013–2014 гг.)

Отрицательное воздействие на развитие ненецкого оленеводства на Ямале, по мнению ученых, оказывают три основных фактора: (1) индустриальное освоение полуострова (отчуждение пастбищных угодий в результате

изъятия территорий под объекты добывающей промышленности и инфраструктуры, оскудение наземных и водных ресурсов); (2) зооантропогенное истощение оленьих пастбищ (их деградация ввиду чрезмерно интенсивной эксплуатации оленеводами); (3) климатические изменения (потепление климата). Степень воздействия этих факторов и угроз, вызываемых ими, оценивается по-разному, но исследователи сходятся в одном: сохранять традиционный уклад жизни на огромных пространствах тундры ненцам Ямала позволяют адаптивные возможности кочевого оленеводческого хозяйства.⁷

Кочевая традиция ненецких оленеводов основывается на принципах максимально гибкого использования тундровых ресурсов (оленьих пастбищ, рыболовных угодий, леса, территорий обитания дикого оленя, пушного зверя и птицы, мест нахождения плавника и бивня мамонта и пр.). Мобильность и пространственно-временная гибкость кочевого хозяйства позволяют ненцам-оленеводам противостоять природным катаклизмам, адекватно отвечать на внешние вызовы и адаптироваться к ним. Главный инструмент маневра — возможность изменения маршрута и времени миграции, в основе которой заложены природные ритмы.

В последние десятилетия из-за экстремальных природных явлений, вызванных общим потеплением климата в Арктике, заметно участились случаи локального падежа оленей, а «венцом» природного вмешательства стал их массовый падеж в 2013–2014 гг.,⁸ в той или иной степени коснувшийся всех ямальских оленеводов. Лето 2013 г. на Ямале выдалось настолько жарким (в середине июля столбик термометра поднимался до +37°C), что, как вспоминают оленеводы, «даже в больших тундровых озерах вода была теплой, а трава выжжена»,

⁴ Муниципальное образование Ямальский район ЯНАО располагается на полуострове Ямал и прилегающих к нему островах (148 тыс. км²) и входит в Арктическую зону РФ. На его территории расположено шесть населенных пунктов: с. Яр-Сале (административный центр) и с/п Панаевск, Сеяха, Новый Порт, Салемал, Мыс Каменный. В районе проживает 16,4 тыс. чел., из них более 12 тыс. — представители коренных малочисленных народов Севера (11 741 ненец, 387 хантов). Ямальский район является мировым лидером по поголовью домашних оленей (по официальным данным, 35 % поголовья округа). На 1 января 2015 г. в районе насчитывалось 1 210 кочевых хозяйств (5 876 чел.), т. е. 35,8 % жителей заняты в оленеводстве. На территории района работают муниципальные оленеводческие предприятия (МОП) «Ярсалинское», «Ямальское» и «Панаевское», зарегистрированы 18 общин коренных малочисленных народов Севера и 15 факторий. См.: Доклад о социально-экономической ситуации муниципального образования Ямальский район за 2014 г. Яр-Сале, 2015. URL: <http://mo-yamal.ru/economika/eco/1073.php> (дата обращения: 01.04.2015).

⁵ В 2014 г. в МОП «Ярсалинское» работало 18 бригад (139 семей оленеводов): в состав северной группы входят бригады № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11; центральной (или средней) — бригады № 7, 9, 16, 20; южной — бригады № 13, 14, 15, 17, 19.

⁶ Автор выражает благодарность А. В. Мажарову, Д. О. Замятину (Департамент по науке и инновациям ЯНАО), А. Н. Кугаевскому, Х. М. Езынги, Ю. М. Худи, С. С. Вануйто, С. А. Вануйто, Н. А. Пырырко (администрация Ямальского района), Я. В. Худи, О. В. Елабужевой (МОП «Ярсалинское»), Г. А. Матарас, И. Ю. Худи (общественное движение Ямальского района «Ямал») и участвовавшим в интервьюировании ямальским оленеводам за сотрудничество и помощь в проведении экспедиции.

⁷ См.: Зенько М. А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2001. № 139; Штаммлер Ф. Кочевой образ жизни оленеводов прибрежной зоны Западной Сибири (Ямал): возможности и ограничения в свете недавних перемен // Экологическое планирование и управление. 2008. № 3/4 (8/9). С. 78–91; Ямальские оленеводы, газодобыча и изменение окружающей среды: адаптивный потенциал кочевого хозяйства и его ограничения / Б. Форбе [и др.]. // Экологическое планирование и управление. № 1 (12). 2011. С. 52–68, и др.

⁸ Из-за обильных снегопадов, резких температурных перепадов, гололедицы массовый падеж оленей на Ямале случается периодически: оленеводы вспоминали падеж второй половины 1970-х гг., середины 1950-х гг. и «большой падеж, случившийся около ста лет назад».

«под палящим солнцем шерсть оленей обгорала так, что спины животных становились лысыми»; «из-за отсутствия дождей грибы [основной нагульный корм] не выросли, и в сентябре олени жира не нагуляли». В октябре прошли снегопады, а перед ноябрьскими праздниками началась оттепель. После дождя корка льда, как панцирем, покрыла тундру, а последующие обильные снега («с Нового года и до конца января снег шел каждый день, конец света!») превратили пастбища в многослойный снежно-ледяной «пирог» высотой до 1,5–2 м.

Бригадир Александр Яптик (бригада № 15) вспоминал: «В районе Мыса Каменного по побережью дождь лил почти двое суток. Образовался наст. Не наст, а настоящая бетонка! Потом пошел снег. Я копал — на сопках глубина по пояс, а в низинах — в рост человека. Оленям корку льда пробить тяжело, важенкам самим питаться и телят кормить надо, без копыт оставались». Бригады, дойдя до полосы оледенения, оказались перед дилеммой — двигаться, как обычно, на правый берег Оби («хэнскую» или «надымскую» сторону) или остаться на зимовку на севере. Перед природной преградой стада стояли месяц («многие растерялись, а кто-то просто поселок любит [чтобы выпить], Яр-Сале-то рядом, магазины открыты»). Приняв решение, бригады переваливали ледяную полосу в несколько касланий: «двое суток шли, запряжены были только быки, на третьи сутки погнали основное стадо, останавливались исключительно для того, чтобы дать животным поесть». И только бригада № 6 (бригадир А. П. Худи), не подчинившись распоряжению руководства МОП, пошла обратно на север, на летние пастбища, тем самым почти полностью сохранив стадо (максимальный уровень сохранности поголовья по МОП «Ярсаляинское» — 88,8 %).

Однако на этом испытании не закончились. Самый длинный переход на маршрутах ямальских оленеводов — перевалка через Обскую губу протяженностью 60–70 км. Пастух Эдуард Вануйто (бригада № 3) рассказывал: «Из северных бригад мы переваливали Обь первыми. Шли почти сутки. На губе был основной падеж. Те олени, что смогли перейти на хэнскую сторону, сбили ноги и были настолько обессилены, что не могли добывать ягель. Когда аргиши [оленно-санные караваны] развязывали, пристяжные быки ложились и уже не вставали. <...> В бригаде погибло

40 ездовых быков. Следовавшие за нами бригады переезжали губу на снегоходах, а не на оленях, стада гнали отдельно». «У тех, кто переваливал губу в январе, падеж был полный. Переправа и хэнская сторона выглядели как зона боевых действий, губа была усеяна трупами оленей!» — вспоминают оленеводы.

На правобережье ситуация с пастбищами оказалась не столь благоприятной, как ожидалось: осенние дожди прошли и здесь, снега выпало много, пастбища не сплошь, но в значительной степени оказались непригодными для выпаса. Обессиленные длинным переходом, олени массово гибли. Часть оленей разбежалась. «В лесу-то оленей не видно, это же не тундра», — сетовали оленеводы. Добраться до летних пастбищ на Надыме и Ярудее удалось не всем. Бригады были вынуждены разбивать стада: сильных оленей без промедления гнали на юг, на хорошие ягельники; ослабших гнали медленно; тех, что не могли идти, оставляли.

Ямальские тундровики еще подсчитывали ущерб от осенне-зимнего падежа 2013 г., а весна 2014 г. готовила новые испытания. Из-за сильных метелей оленеводы не могли начать обратную перекочевку через Обскую губу и до мая оставались на хэнской стороне (обычно переход совершается в конце апреля — начале мая). Олени голодали, ели мох с деревьев и заготовленные ветки. Снова начался падеж. После метелей наступило резкое потепление. Обычно оленеводы в весенний и осенний периоды переваливают водоемы по льду, но весной 2014 г. даже губу переходили практически по открытой воде. «Речки резко пошли, почти хаос! — отмечал оленевод-частник Александр Сэротэтто. — Мы на берегу стоим. Ждем, пока другие пройдут. Олени смешались, и совхозные, и личные. Ездовых быков почти не осталось, каслали на чем придется. Пока шли, лето наступило!»

У северных бригад ситуация была на грани катастрофы. Бригадир Сергей Хороля (бригада № 2) так описывал весеннюю перекочевку: «С зимних пастбищ двинулись, прошел дождь. Весенний гололед, по лесу ходили без лыж, как по асфальту. Думали, по воде будем стада перегонять, а тут пурга и заморозки. Было решено обратно на зимние пастбища вернуться, в тех местах уже оттаяло, и олени могли добывать корм. Три дня стояли. По связи узнали, что при перегонах через Обь люди остаются без оленей. Ждем. Обычно

переваливаем в апреле, а уже май! Решились на второй заход. Туман, дождик, но тронулись. Переходили по хребту [Обской] губы. Вода поднимается, женщины в панике дозвонились до МЧС. Ночь ехали, день ехали, еще ночь, только следующим утром поднялись на левый берег Оби».

«Прорвались!» — именно так характеризуют весенний переход через Обскую губу те, кому повезло. Один из тундровиков горестно усмехнулся: «Можно было уйти еще южнее, там снегу-то меньше, стали бы лесными ненцами». Но для многих кочевников ситуация оказалась безвыходной: оленеводы не смогли перейти губу и были вынуждены остаться на летовку на хэнской стороне. Помимо бригады № 19 («в бригаде одна молодежь, опыта мало, перейти не успели»), здесь оказалось 10–11 тыс. оленей разных бригад и частных хозяйств.

Но и не все перевалившие через Обскую губу оленеводы смогли добраться до летних пастбищ. Оленевод-частник Игорь Сэротэтто вспоминал: «До летних пастбищ за Юрибем так и не дошли, летовали возле Хадыты. Когда мимо фактории Порц-Яха каслали, комар вылетел, лето началось, такого с нами еще не было!» Некоторые тундровики впервые увидели, как появляется лист на деревьях. Эдуард Вануйто рассказывал: «Никогда не думали, что лес зеленым увидим, научимся по вскрытым рекам переправляться. Обычно северные бригады уходят на север, когда реки еще стоят. А тут в июне мы были еще в районе Яр-Сале. Олени-то дохлые, нарты еле-еле тянут. Часть пастухов ушла со стадом на отельные места, часть с аргишами, чумами и слабыми оленями осталась. Хорошо, что лето было нежаркое, а то бы остальных оленей загубили». Сергей Хороля отмечал: «Мы — северная бригада, наш олень не стоит, а бежит на свои отельные места. Но весной у оленей не было сил, пришлось каслать с южными бригадами, до своих пастбищ в тот год так и не дошли. Жили с соседями, тесновато было. Комар полетел, стадо разбежалось. Наши олени не привыкли к местным комарам, а мы — к соседям».

Оценивая ущерб от падежа оленей, бригадир Александр Яптик говорил: «Стадо в бригаде № 15 было одним из самых больших — 8 тыс. голов; после падежа осталось 3,5–4 тыс. Телят-первогодок сохранить не удалось. Каждый пастух потерял часть поголовья, но мы, в отличие от других, пока еще на оленях ездим».

Однако для многих частных оленеводческих хозяйств падеж, вызванный крайне неблагоприятными погодными условиями 2013–2014 гг., стал приговором. Вдоль Обской губы от Панаевска до Нового Порта летом 2014 г. осталось более сотни чумов оленеводов, потерявших оленей или ездовых быков. 208 семей оленеводов стали вынужденными рыбаками, промышленниками на озерах и Обской губе. «Летом рыбу ловили, хотя это считается браконьерством, но кормиться-то чем-то надо. Многие оленеводы прописаны в “сельском совете”, квартир в поселках нет, а теперь и оленей нет», — обычный рассказ пострадавших.

По первому снегу оленеводы собирали разбежавшихся оленей, а в ноябре–декабре 2014 г. «все, кто мог двигаться, включая пенсионеров, выехали в тундру на просчетные корали помогать отбирать оленей из перемешавшихся стад». По официальным данным, потери по трем оленеводческим предприятиям Ямальского района составили 16,34 тыс. голов (МОП «Ярсалинское» — 12,16 тыс., «Панаевское» — 4,15 тыс., «Ямальское» — 0,03 тыс.), а потери частных предприятий (малые формы хозяйствования) и оленеводов-частников — 19,1 тыс. и 25,5 тыс. голов соответственно. В целом, общее стадо Ямальского района сократилось на 43,2 тыс. голов — с 278,5 тыс. в декабре 2013 г. до 235,3 тыс. в декабре 2014 г.⁹ Бригады МОП «Ярсалинское» потеряли от 11,2 до 74,5 % поголовья оленей.¹⁰ По оценкам тундровиков и специалистов оленеводства, восстановление поголовья после массового падежа при благоприятных погодных условиях возможно за 5 лет, при неблагоприятных — за 10 лет.

На ликвидацию ситуации, связанной с массовым падежом оленей, из средств резервного фонда Правительства ЯНАО было выделено 27 431 тыс. руб.; из средств резервного фонда главы Муниципального образования и администрации Муниципального образования «Ямальский район» — 8,9 млн руб. и 6,0 млн руб. соответственно. Потерявшим

⁹ См.: Доклад о социально-экономической ситуации муниципального образования Ямальский район за 2014 г. Однако за точность цифр ручаться сложно, так как многие ненцы по традиции не считают оленей, полагая, что пересчет поголовья ведет к потере стада («при просчете оленей нужно непременно отпустить одну важенку, чтобы не было точной цифры»).

¹⁰ Наименьшие потери понесли бригады № 6 (11,2 %), № 13 (11,6 %), № 16 (15,3 %), наибольшие — бригады № 15 (53,8 %), № 1 (57,9 %), № 20 (60,1 %), № 11 (61,6 %), № 10 (62,5 %), № 5 (74,5 %).

олений тундровикам оказывалась материальная помощь (выплаты денежных компенсаций, на приобретение ГСМ, минерально-солевых добавок и комбикормов), предоставлялся транспорт для перевозки чумов и прочего имущества.¹¹

Олень и кочевая мобильность как ресурс жизнеобеспечения, технология и философия ненца-оленевода

Через природные катаклизмы 2013 и 2014 гг. вновь заострила вопрос о перспективах развития ненецкого оленеводства. «За один год полтундры пало», — сетовали старики. Но, несмотря на трагичность ситуации, в тундре и кабинетах бытовало мнение, «что природа сама провела отбор». В разговорах выяснилось, что «стада сильно разрослись, так как лет пять не было болезней и волков не стало (то ли сами ушли, то ли на “Ямахах” переловили)»; «олений и людей стало так много, что тундра не может прокормить всех кочующих, пастбища истощены, а местами полностью выбиты».

На летовку и зимовку ямальские оленеводы ходят одним миграционным маршрутом протяженностью 400–700 км. Конфликтов из-за пастбищ, по словам кочевников, практически не бывает. Используются, как говорят, «дедовские маршруты», хотя в большинстве случаев они соотносятся с маршрутами кочевания отцов, выпасавших совхозные стада в советское время («сейчас старых, досовхозных, маршрутов уже не найти»). В МОП «Ярсалинское» стада по миграционным коридорам идут в три потока: сначала — северные бригады, за ними — центральные и южные. Бригады одного потока (группы) движутся в шахматном порядке — «кто-то впереди, кто-то сзади, при необходимости расходятся в стороны». Например, в северной группе бригада № 6 кочует по центру, бригады № 4 и 5 — слева от нее, № 1 и 2 — справа. Частники, как правило, идут рядом с работающими в бригадах родственниками: «главное — бригадам не мешать». При такой плотности движения выбивается практически вся площадь пастбищ. У ненцев-оленево-дов есть емкое выражение, характеризующее неудовлетворительное состояние пастбищных угодий, — *яда тахабэй ‘земля перевернута’*, т. е. «ягель вытоптан и выбит настолько, что пастбища не успевают восстанавливаться».

Нехватка пастбищ в округе ощущалась уже в советское время, хотя олень поголовье в ту пору было значительно меньше.¹² Еще в 1930-е гг. оленеводами Ямальского района был освоен Надымский район. Правда старики поясняли, что «до колхозов и во времена колхозов через Обь переходили немногие оленеводы, массовая перекочевка на правую сторону — совхозное изобретение». Перевалив через Обскую губу, оленеводы идут одним маршрутом, «другой дороги по лесотундре нет, и только на летовку бригады и частники расходятся в стороны, осваивая надымские лесотундры — места нагула мигрирующего с Енисея дикого оленя».

Интенсивное наращивание оленьего поголовья в 1990–2000-х гг., обусловленное благоприятными погодными условиями, ростом численности ненецкого населения и рядом других социально-экономических факторов, привело к «перенаселенности» ямальских тундр оленями и людьми. Александр Яптик рассказывает о себе: «Мои предки были бедными рыбаками, но в советские времена отец, работавший в совхозе пастухом, а затем бригадиром, получал хорошие премии, в том числе оленями. Однажды на бригаду получили 40 голов, разделили между пятью пастухами. От них пошло семейное стадо. Отец оленей пас, а сыновья рыбачили. На рыбу оленей выменивали. Чуть личное стадо разрослось, сыновья перешли в оленеводство. Я уже в тундре вырос и без оленей жизни не представляю». Аналогичную историю поведал о своем тесте Эдуард Вануйто: «Атя Сэротэтто рыбачил на Сюнай-Сале, ездил на собаках, песцов добывал. У богатых оленеводов стал пастухом работать, брал на обучение ездовых быков, так сумел стадо собрать. Сейчас кашает с женой и младшим сыном. До падежа 600 голов держали, забивали до 100 голов ежегодно, хватало. В поселок их не тянет».

Согласно исследованиям экологов, олень поголовье в Ямальском районе превышает оленеемкость пастбищ (превышение числа животных над экологически оптимальным составляет 162 %).¹³ Выход как будто очевиден —

¹² В 1930 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось 263 тыс. оленей, в 1960 г. — 322 тыс., в 1990 г. — 524 тыс. См.: Южаков А. А. Указ. соч. С. 83.

¹³ Богданов В. Д. Указ. соч. С. 141–144. Матвеев А. А., Мусаев Р. А. Сохранение экологического баланса в контексте экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: материалы XXVII междунар. заоч. науч.-практ. конф. (17 июля 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 167–174.

¹¹ Там же.

сокращение числа частных и «совхозных» оленей с целью уменьшения перевыпаса пастбищ. Однако кочевание (каслание) и увеличение числа оленей было и остается смыслом жизни ненца. Установление верхней границы количества оленей в частных стадах невозможно. О «перенаселенности» ямальских тундр рассуждает Сергей Хороля: «Говорят, что раньше на Ямале меньше оленей было, это не совсем так. Мой прадед по отцовской линии, например, три бригады пастухов держал, столько у него в стаде оленей было». Действительно социальное расслоение среди ненецких оленеводов было всегда. Александр Сэротэтто поясняет: «Богачи в тундре были всегда. А богатства, как известно, много не бывает. И сейчас есть хозяева, которые имеют по 2 000 и более голов. Большому стаду нужны хорошие пастбища. Оптимальный вариант для выпаса — 450–500 голов на семью, что не много и не мало».

При нехватке хороших пастбищ тундровики ратуют за сохранение «совхозных» стад. Бригады МОПов, как правило, семейно-родовые, здесь много оленеводческих династий. Практикуется совместный выпас «совхозного» и личного стада. Численность личных оленей, как правило, превышает поголовье «совхозных» оленей. Например, в стаде бригады № 15 МОП «Ярсалинское» до падежа было 8 тыс. оленей, из них «совхозных» — 1,5 тыс., остальные — личные олени бригадных пастухов (на семью приходится от 300 до 1 000 голов), их родственников и знакомых. Таким образом, соотношение «совхозных» и частных оленей составляет 1:4 (20 % и 80 %).¹⁴ За рабочие места в бригадах (бригадир, зоотехник, пастух, чумработница) идет жесткая конкурентная борьба. Выгода очевидна: работники получают зарплату, их обеспечивают продуктами, бензином, печками. Наличие утвержденных оленеводческих маршрутов в МОПах помогает в регулировании непростых отношений ямальских кочевников и газофиков.

Сохранение частного поголовья при существовании коллективных стад, как это было во времена Советского Союза (оленеводческие колхозы и совхозы) и как это происходит в постсоветской России (муниципальные оленеводческие предприятия), стало своеобраз-

ным залогом развития ненецкого оленеводства. Кочевая мобильность выступает ресурсом, позволяющим быстро отвечать на внешние (экономические, социальные и политические) воздействия, другого адаптивного механизма ненецкая культура не выработала. Однако сегодняшняя ситуация с избытком оленей и истощением пастбищ требует административно-правового регулирования. Будущее, как полагают многие, за малооленными хозяйствами, имеющими возможность более гибко использовать пастбища и быстро реагировать на экологические изменения. Как один из вариантов регулирования предлагается введение налога на большие стада и повышение прибыльности оленеводческих хозяйств за счет качественных показателей (совершенствование организации доставки, отбора животных, забоя и технологий переработки, транспортировки продукции к рынкам сбыта; регулирование цен на продукты оленеводства).

Относительно просчетов в выработке стратегии развития оленеводства на Ямале тундровики высказываются прямо: «Руководство неграмотное. Пока “совхоз” возглавляли знающие оленя, кочевой образ жизни и ненецкие обычаи люди, такие как Николай Дмитриевич Кугаевский, почти тридцать лет руководивший совхозом “Ярсалинский” (1961–1989), Дмитрий Оттович Хороля, бывший секретарь парткома (1988) и директор того же совхоза (1989), а ныне президент Союза оленеводов России (с 1995), все шло прекрасно. Сегодня МОПом руководит женщина, по образованию экономист, помощники — молодые, опыта никакого». Оленеводы сетуют: «Директор МОПа у нас женщина, кто ее назначил, мы не знаем, но согласно ненецкой традиции женщина не должна быть хозяйкой оленей». Хотя тут же вспоминают советские времена, когда директором оленеводческого совхоза «Россия» (ныне — МОП «Панаевский») была Валентина Александровна Вахнина, по отзывам тундровиков, «женщина знающая, прекрасный руководитель».

О «совхозных временах» старики вспоминают с ностальгией. «Цивилизация тундровиков разбаловала, — рассуждают за чаем Александр Сэротэтто, Хадко и Михаил Худи. — Мы работали пастухами. Бригада была комсомольской. Оленей от волков каждый день надо было караулить. Прокараулишь, значит — проспал. Перед просчетом все на дежурстве. Дисциплина строгая, на комсомольские

¹⁴ Оленеводы полагают, что частное поголовье не должно подлежать просчету («мы против просчета личных оленей, это только наше дело!»). Руководство МОПов отказывается пересчитывать поголовье частных хозяйств, возлагая эту задачу на администрацию Ямальского района.

собрания вызывали, партком, профком. За хорошую работу давали премии (на бригаду несколько оленей или снегоход). Хорошо было, света не было, пива не было, телевизоров не было, компьютеров не было, все внимание стаду. Сейчас снегоход требует внимания и денег (бензин купи, запчасти купи). Время уходит на технику, а не на оленей. Захотел пастух, сел на “Бурани” и поехал в Яр-Сале, а олени сами пасутся».

Очевидно, падеж оленьей приведет к сокращению числа бригад и рабочих мест в МОП «Ярсалинское», заставит многих оленеводов-частников уйти из тундры и осесть в поселках. У многих тундровиков в Яр-Сале имеются квартиры, которые были получены по программам развития села или поддержки молодых семей. Однако в поселке надо иметь профессию. Молодой ненец Иван Сэротэтто рассуждает: «Сейчас многие тундровики остались без оленей, кто находит только одну важеньку, кто — одного быка. А без оленей в тундре что делать? Люди будут вынуждены перебираться в поселок. В тундре всегда найдется, чем заняться, а в поселке бывшие оленеводы не знают, что делать, начнут пить».

Олень и человек, находящиеся в постоянном движении, составляют тундровое сообщество. Олень определяет мотивацию действий человека и задает направление движения. В этом и состоит этническая ментальность ненца-олeneвода. Бывший бригадир, а ныне пенсионер Ёртя Сэротэтто поясняет: «Человек [ненец] должен быть [жить] для оленя, если это не так, то он не кочевник. Без оленя мы — никто. Хороший оленевод — человек умный и выносливый: пастухи, как часовые, сутками на посту, вялый человек все потеряет. Если оленевод чист перед богами, то и олени водятся. Богатый оленевод обязан помогать бедным, не оставлять голодными нищих». При сохранении традиции «воздействие цивилизации» меняет акценты в приоритетах тундровиков. По словам оленевода-частника Александра Сэротэтто, «олень для ненца — это все: и транспорт, и жилище, и одежда, и пища. Олень — правая рука, собака — левая рука: она оленя выпасает и хищника чует». Однако, рассуждая далее, он подмечает: «Раньше олени помогали кочевать, а теперь — выживать. Олени — наша сберкнижка. В старину в тундре говорили об оленях, о жизни и о детях, а теперь — сколько стоят рога, сколько стоит бензин, есть ли у тебя и твоих детей телефон». Тем не менее, без

оленя и оленеводства ни сами ненцы-олeneводы, ни представители национальной интеллигенции, ни администрация района и округа ямальскую тундру не представляют.

Вопрос «перенаселенности» ямальских тундр связан с отсутствием работы и жилья в национальных поселках, несмотря на многочисленные и вполне результативные региональные программы помощи коренным малочисленным народам Севера. Александр Сэротэтто так оценивает происходящие перемены: «Олень — это и наш кусок хлеба, и наш кусок масла. Раньше неплохим считалось стадо в 120 голов: продукты-то были дешевы. А сейчас ящик масла стоит 10 тыс. рублей, а мне на семью надо два ящика. Раньше не надо было ни бензина, ни запчастей, ни квартиру оплачивать. Школьников нужно одеть, а у них свой фасон, что попало, не наденут. Раньше в школу нужен был портфель, а теперь подавай телефон. А “кочевые”, или, как их еще называют, “нееловские” или “губернаторские” [субсидии], что-то не “кочуют”, как были 2 000 рублей, так и остаются. У молодежи нет работы: в поселках работают гастарбайтеры. Наши девочки искали работу в школе, но их места давно заняты мигрантами: им надбавки платить не надо, вот их и берут. Даже не знаем, какой они национальности».

При высоких темпах роста численности ненецкого населения и невозможности национальных поселков обеспечить работой всех желающих оленеводство стало своеобразной формой защиты от безработицы. Ненецкая молодежь свои надежды связывает с тундрой и оленеводством. Если нет возможности учиться, молодые ненцы уходят в тундру или в армию (для многих армия — это «шанс получить профессию и увидеть мир»). Но если для юношей остаться в тундре — добровольный («по велению сердца») или вынужденный (отсутствие работы в поселке) выбор, то для девушек — незавидная перспектива.

*Конфликт кочевой мобильности
и индустриальной экспансии
(«старые-новые» проблемы)*

С начала 2000-х гг. Ямал становится приоритетным регионом газодобычи России и приобретает статус региона-донора с мощным недроресурсным потенциалом (на территории Ямальского района открыто 26 месторождений углеводородного сырья). В октябре 2012 г. приступили к эксплуатации крупнейшего

нефтегазоконденсатного месторождения Бованенковское. Для обеспечения работы нефтегазового комплекса построен железнодорожный коридор «Обская — Бованенково — Карская» (который планируется протянуть до Харасавэя), развернуто строительство арктического морского порта Сабетта и других крупных объектов транспортной инфраструктуры Ямала.

Массовый падеж оленей в 2013–2014 гг. как будто отодвинул на второй план проблему непростых взаимоотношений нефтяников и кочевников. Вместе с тем новый виток индустриальной экспансии неизбежно вызывает обострение конкуренции за обладание земельными и другими природными ресурсами на полуострове. Михаил Тибичи рассказывает: «Геологоразведка на наших территориях поставила буровые еще лет тридцать назад, однако разработки не велись. А 4–5 лет назад геологи и газовики вновь активизировались. С их возвращением появился целый ряд проблем. Тундру бульдозером на квадраты исплосовали. К буровым проходит зимник, приходится кочевать вдоль дороги, олени машин боятся и разбегаются. Когда через автотрассу стадо перегоняем, автомобили останавливаем, но некоторые водители так и едут между оленями. Какие организации там работают, не знаем, в Надымском районе много разных компаний».

Оленеводам приходится приноравливаться к изменениям ландшафта, вызванным ресурсным освоением Ямала. Приведем слова бригадира Сергея Хороля: «По нашему летнему маршруту проходит газопровод — две засыпанные песком трубы. Стадо через газопровод перегоняем за один раз, оборудованных переходов нет. Железную дорогу переходим под мостом. На зимнем маршруте пересекаем автотрассу, контролируя переход оленей». Особая ситуация складывается вокруг Бованенковского месторождения, на территории которого находятся летние пастбища. Оленеводы бригады № 4 рассказывают: «Нам “Бованенково” сильно жизнь осложнило. Когда дорогу строили, рядом зимник проходил. Было много битого стекла и металлического хлама — приходилось убирать, чтобы олени ноги не поранили. Сейчас чище, мусор только там, где их объекты. Священные места вроде не тронуты. Но главная проблема не в этом. Для перегона оленьих стад через газопроводы отведены специальные места. Во время перехода стад через трассу приезжает “сов-

хозное” начальство и начальство Газпрома, расстилают дорнит и следят за ходом перекочевки. Но переход газопровода происходит в комарное время, собрать стадо трудно, телята от матерей отбиваются, после преодоления трассы до хороших пастбищ надо сделать еще 3–4 перехода. Маршрут кочевания пришлось изменить: нас прижали к реке Сё-яха, а там ерник густой и местность болотистая — идти тяжело, топко. Нагрузки на пастбища огромны. Возвышенные места, где прежде были наши стоянки, заняты промышленными объектами и площадками. Железную дорогу обходим, по правой стороне мостов много. На зимнем маршруте автотрассу переходим, но это, в сравнении с “Бованенково”, происходит просто». С развертыванием строительства появились дополнительные трудности, с которыми ненцы прежде не сталкивались. «Новая железная дорога Салехард — Обская — Бованенково была облагорожена и засеяна травой, олени выходят на железнодорожные пути, чтобы полакомиться зелеными кормами, и их сбивают поезда», — жалуются оленеводы.

Несмотря на содействие руководства оленеводческих предприятий и недропользователей, оленеводы вынуждены самостоятельно выбирать пути преодоления возникающих на маршрутах кочевания индустриальных препятствий. Обширные тундровые пространства пока позволяют им маневрировать — выбрать оптимальный срок и маршрут миграции и даже обходить промышленноосвоенные и деградировавшие территории. Но предел кочевого маневра очевиден. Общую картину охарактеризовал один из оленеводов-частников: «В 1980-х годах так было: чум свой уберай, мы тут карьер будем делать. Тогда только буровые ставили, “Бованенково” не было. С того времени на местах их работ остались песчаные ямы, так что чум поставить некуда! Сейчас Газпром с “совхозниками” считается, с начальством согласовывает землеотводы. “Совхозники” — люди государственные, землю у них отобрать просто так нельзя, существуют утвержденные маршруты касланий. Но у Газпрома рука мохнатая — рано или поздно землю, если она им нужна, все равно отдадут под карьер. Боимся, что все ресурсы на Ямале выкачают, а про нас забудут».

Разработка газовых месторождений в тундровой зоне, как и формирование новой инфраструктуры, находится на начальной стадии, а значит, интенсивность индустриального

воздействия на экологическую и этносоциальную системы Ямала будет усиливаться. Выпас увеличивающегося поголовья оленей на уменьшающейся территории ведет к деградации пастбищ, сокращению маршрутов кочевания, снижению кочевой мобильности и утрате возможности гибкого реагирования на природные и антропогенные вызовы. Возможно, перспективы ямальского оленеводства определяются уже сегодня — в диалоге тундровиков старшего и младшего поколений. Беседуя с оленеводом-частником Михаилом Тибичи, я не без интереса записывала и мнение его сына Ейко:

— Дорог появилось много. Из-за дорог и буровых нашим детям и внукам жизни в тундре не будет.

— Наоборот, отец, будет дорога — будет жизнь. От весенних морозов оленей больше погибает, чем от машин.

— Сколько еще оленеводство продержится, не знаю, трудно сказать. Возможно, лет тридцать, хотя, может быть, все гораздо раньше закончится. Тесно в тундре оленеводам, а тут еще газовики наши земли занимают. У оленей свои маршруты, их и надо держать, тундру огородить невозможно.

— Но есть и другие варианты выпаса, как в Финляндии например. Оленеводство будет ориентировано на коммерциализацию. От туризма можно прибыль получать. Надо только взять у них и у нас все полезное.

— В тундре давно нет хозяина — прибывающие на Ямал разработчики недр делают что хотят. Ненка оставила в нартах нюки [меховые покрышки для чума], одежду, сапоги, заготовленный мох, так как ребенок должен был появиться, а ее нарты бульдозером запахали. Весной смотрю, из-под земли вещи торчат. Нарты отодвинь и проезжай, нет — надо все уничтожить.

— На местах стоянок ненцы столько мусора оставляют, что место для чума скоро выбрать невозможно. Бутылки, памперсы, чего только нет. Все от людей зависит».

В «Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого округа до 2020 г.» сказано, что оленеводство является ключевой отраслью АПК и выполняет важнейшую этносоциальную функцию — сохранение традиционного (кочевое) образа жизни на Ямале. Однако базовым сектором экономики округа на средне- и долгосрочный период остается

нефте- и газодобыча.¹⁵ В попытках разрешения конфликта между лидирующими отраслями в использовании ресурсов заложено стремление получить моментальный эффект (договорная практика, финансово-компенсационный подход, штрафные санкции), а не налаживать долгосрочное перспективное сотрудничество. Администрация муниципальных оленеводческих предприятий надеется на увеличение окружных субсидий на оленеводство, которые не индексируются на протяжении последних лет. Муниципальная власть и общественное движение Ямальского района «Ямал» стремятся получить максимальные компенсации с Газпрома за отчуждение земель, организуя общественные слушания и выдвигая предложения. В результате за последние несколько лет многие поселки (Яр-Сале, Сё-Яха) и фабрики (Тамбей, Порц-Яха) полностью преобразились за счет финансирования компаний ТЭК. Однако сложившаяся система формирования и расходования компенсационных доходов хозяйствующих структур и муниципалитетов требует пересмотра. Компенсации от реального отчуждения земель, как это происходит сегодня, должны быть заменены компенсациями за ущерб и упущенную выгоду от развития газовой индустрии. Инвестиционный поток нефтегазовых компаний и средства региональных программ должны быть направлены на экологическую реабилитацию тундры (увеличение вложений в прикладные экологические программы) и на социально-экономическую поддержку оленеводов и кочевого образа жизни, а не только на развитие оседлых сообществ (компенсационное строительство, финансирование образовательных программ, трудоустройство молодежи),¹⁶ хотя последнее вполне оправданно, так как переселение в поселки части кочевого населения, как показывает практика, становится неизбежным.

В диалоге нефтяников и кочевников за соблюдение интересов оленеводов ратует наука. В основе предлагаемых учеными-этнологами стратегий-сценариев развития Ямала лежит формирование платформы долговременного взаимодействия недропользователей и олене-

¹⁵ Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого округа до 2020 г. URL:http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80azeg9d.xn--p1ai/economics/social_strateg_2020/ (дата обращения: 01.04.2015).

¹⁶ См.: Штаммлер Ф. Указ. соч. С. 88, 89; Ямальские оленеводы... С. 65.

водов, которая базировалась бы не на конкуренции, а на кооперации и партнерстве, что позволит обеспечить бесконфликтное использование основных природных ресурсов края. Сценарий сосуществования индустриального кластера и кочевого пастбищного оленеводства, в котором задействованы три основных актора — газовые компании, власть (федеральная, окружная, муниципальная) и оленеводы-кочевники, должен определяться путем проведения этнологической экспертизы не

только отдельных проектов, но и проекта развития всего Ямала¹⁷ и быть подкреплен законодательно.¹⁸ Без целевой консолидации усилий вряд ли суждено сбыться словам пастуха Евгения Худи: «Несмотря на природные катаклизмы и добычу газа, оленеводство на Ямале будет сохраняться вечно. Ямала без оленеводства не может быть, пусть даже новые города построят! Мои сыновья и дочери учатся в городе и вряд ли станут оленеводами, но мои племянники навсегда останутся в тундре».

Elena V. Perevalova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

**A INTERVIEW WITH THE YAMAL HERDERS ABOUT REINDEER DIE-OFF
AND THE FUTURE OF THE NENETS REINDEER HERDING**

The Yamal peninsula has the highest density of domestic reindeer population in the Russian Arctic and the Arctic region in general; about 1,200 Nenets herder-households are migrating in these territories together with the herds. The article demonstrated that the transition to market economy did not cause a degradation of the industry, on the contrary, it gave stimulus for the development of reindeer herding based on the tradition nomadic technologies. The article describes the specifics of the Nenets herding practices based on the ethnic triad — a deer as the main life support resource, nomadic mobility as the technology with high adaptivity potential, and the “reindeer + mobility” as the fundamental philosophy. The reasons for a significant increase of the deer population in the 1990–2000 (favorable climatic conditions, demographic growth and other social and economic factors) as well as its negative consequences (overcrowding of the Yamal tundra, zoo-anthropogenic depletion of pasture lands) were discussed. Pasturing of the growing herds in a shrinking territory because of the appropriation of land for the gas and oil industry infrastructure resulted in a decrease of migration routes, decrease of nomadic mobility and the loss of flexibility of available responses to the natural and anthropogenic challenges. A series of natural disasters in 2013–2014 resulted in a mass die-off of reindeer in the Yamal moving temporarily aside the problem of relationship between the oil companies and the nomadic herders. However a new wave of industrial expansion will inevitably aggravate competition for ownership of land and other natural resources of the peninsula. The article is based on an interview with the herders of the Yamal district covering a wide range of problems related to the future of the Nenets reindeer herding, and reflects their views and understanding of the current situation.

Key words: *Nenets reindeer, Yamal, nomadic mobility, loss of deer in 2013-2014, industrial expansion*

¹⁷ См.: Этнологическая экспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А. В. Головнёв [и др.]. Екатеринбург, 2014; Головнёв А. В., Абрамов И. В. Олени и газ: стратегии развития Ямала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 122–131.

¹⁸ См.: Люди Севера: права на ресурсы и этноэкспертиза. М., 2008; Новикова Н. И. Коренные народы Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 106, 107, 110, 111; Хороля Д. О. Современная ситуация и тенденции в северном оленеводстве России // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2012. С. 102, 103.

REFERENCES

- Bogdanov V. D., Golovatin M. G., Morozova L. M., Ektova S. N. *Ekonomika regiona* (The region's economy), 2012, № 3, pp. 141–150. (in Russ.).
- Doklad o sotsialno-ekonomicheskoy situatsii munitsipalnogo obrazovaniya Yamalskiy rayon za 2014 g. Yar-Sale, 2015* [A report on the socio-economic situation of the municipality district of Yamal in 2014. Yar-Sale, 2015]. Available at: <http://mo-yamal.ru/economika/eco/1073.php> (accessed April 1 2015). (in Russ.).
- Forbs B., Shtammler F., Kumpula T., Messhtyb N., Payunen A., Kaarleyarvi E. *Ekologicheskoe planirovanie i upravlenie* (Environmental Planning and Management), 2011, № 1 (12), pp. 52–68. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Etnokulturnoe vzaimodeystvie v Yevrazii: Programma fundamentalnykh issledovaniy Prezidiuma RAN* [Ethnic and cultural cooperation in Eurasia Program of the Presidium of the RAS]. Moscow: RAS Publ., 2006, Book 1, pp. 318–320. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh folklore* [Nomads of Tundra: Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, 344 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Abramov I. V. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* (The Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2014, № 4 (27), pp. 122–131. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochevyia i gazovye mestorozhdeniya* [Ethno-expertise on Yamal: Nenets routs and gas fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014, 232 p. (in Russ.).
- Khorolya D. O. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [Current status and the development of indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. Moscow: Izdanie Soveta RF Publ., 2012, pp. 94–103. (in Russ.).
- Klokot K. B. *Sever i Severyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii* [North and Northerners. The current situation of indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. Moscow: IEA RAN Publ., 2012, pp. 38–61, 252–262. (in Russ.).
- Lyudi Severa: prava na resursy i etnoekspertiza* [People of the North: the right to resources and ethnoexpertiza]. Moscow: Strategiya Publ., 2008, 511 p. (in Russ.).
- Matveev A. A., Musaev R. A. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika. Materialy XXVII mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economics and modern management theory and practice. Proceedings XXVII International correspondence scientific-practical conference]. Novosibirsk: SibAK Publ., 2013, pp. 167–174. (in Russ.).
- Novikova N. I. *Arktika: ekologiya i ekonomika* (The Arctic: ecology and economy), 2013, № 3 (11), pp. 102–111. (in Russ.).
- Shtammler F. *Ekologicheskoe planirovanie i upravlenie* (Environmental Planning and Management), 2008, № 3/4 (8/9), pp. 78–91. (in Russ.).
- Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo okruga do 2020 g.* [Strategy of socio-economic development of the Yamal-Nenets district to 2020]. Available at: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/economics/social_strateg_2020/ (accessed April 1 2015). (in Russ.).
- Yuzhakov A. A. *Zhivaya Arktika* [Living Arctic], 2005, № 17, pp. 82–87. (in Russ.).
- Zenko M. A. *Sovremennyy Yamal: etnoekologicheskie i etnosotsialnye problem* [Modern Yamal: ethno-ecological and ethno-social problems]. Moscow: IEA RAN Publ., 2001, № 139. (in Russ.).